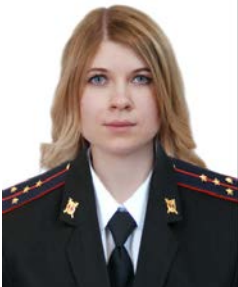

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 343.126

DOI 10.51980/2542-1735_2021_2_162

Ирина Леонидовна СИТНИКОВА,

старший инспектор отделения регистрационного
учета населения отдела по вопросам миграции
УМВД России по г. Кирову,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России

ir-sitnikova@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

EVOLUTION OF THE CALCULATION OF THE TERM OF DETENTION UPON THE RETURN OF A CRIMINAL CASE TO A PROSECUTOR IN THE CONTEXT OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RF

В статье рассматривается эволюция порядка исчисления срока содержания обвиняемых под стражей на период возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), происходившая как вследствие воплощения волеизъявления непосредственно законодателя, так и посредством реализации правовых позиций Конституционного Суда РФ. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу о негативном влиянии велений высшего органа конституционного правосудия, выразившемся в «замене» предельных сроков содержания обвиняемых под стражей, определяемых для рассматриваемого периода, абстрактным понятием «разумный срок». Сделаны предложения, направленные на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства.

The article examines the evolution of the procedure for calculating the term of keeping accused in custody for the period when the criminal case is returned to the prosecutor (Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), which occurred both as a result of the embodiment of the will of the legislator directly, and through the implementation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Based on the conducted analysis, the author comes to the conclusion about the negative impact of the orders of the highest body of constitutional justice, expressed in the “replacement” of the deadlines for keeping accused in custody, determined for the period under review, with the abstract concept of “reasonable time”. Proposals have been made aimed at improving the current criminal procedural legislation.

Ключевые слова: меры пресечения, правовые позиции Конституционного Суда РФ, принцип состязательности сторон, заключение под стражу, возвращение уголовного дела прокурору, продление сроков содержания под стражей, предельные сроки содержания под стражей.

Keywords: preventive measures, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, adversarial principle, detention, return of a criminal case to the prosecutor, extension of detention, time limits for detention.

Изменение места и роли государства в жизни общества, признание прав и свобод человека как высшей ценности обусловили обращение к демократическим принципам построения многих политических и правовых институтов. Провозглашение принципа состязательности сторон в качестве ключевой идеи осуществления уголовного судопроизводства потребовало, в свою очередь, реформирования основных институтов, входящих в систему уголовно-процессуального права России, и решения ряда вопросов, в том числе связанных с проблемой законодательной регламентации сроков заключения под стражу, как на стадии досудебного производства, так и в стадии судебного разбирательства.

В числе нововведений, направленных на оптимизацию законодательства, регулирующего порядок избрания такой меры пресечения, как заключение под стражу, авторы Концепции судебной реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1, наряду с сокращением предельного срока содержания лица под стражей на предварительном следствии до шести-девяти месяцев и улучшением условий содержания обвиняемых до суда предлагали распространение практики применения залога и введение новых мер пресечения (домашнего ареста и т. п.), призванных стать альтернативой заключению под стражу. Состязательная процедура уголовного судопроизводства также подразумевала обязанность судов определять пределы содержания обвиняемого под стражей на конкретный, специально установленный законом срок [1, с. 9].

Казалось бы, реализация намеченных мероприятий (даже частичная) будет гармонизировать законодательство, регламентирующее возможность применения этой меры пресечения, с основополагающими принципами уголовного процесса. Однако по прошествии почти трех десятилетий с момента начала судебной реформы можно утверждать, что

заключение под стражу все еще сохраняет лидирующие позиции среди мер пресечения. За 2019 г. судами были удовлетворены около 95 тыс. ходатайств о применении этой меры пресечения. В то же время за аналогичный период мера пресечения в виде домашнего ареста была избрана в отношении 6037 человек, залога – 77 человек, запрета определенных действий – 1246 человек¹.

Можно также наблюдать некоторую тенденцию на сокращение применения рассматриваемой меры пресечения (по сравнению с 2018 г., когда эта мера была избрана в отношении 102 тыс. обвиняемых), что обусловлено не только внесением изменений в УК РФ и УПК РФ, разъяснениями Верховного Суда РФ, но и уменьшением общего количество осужденных, уголовных дел, ходатайств следствия об аресте. В то же время надо отметить тенденцию к увеличению показателя количества удовлетворения ходатайств о продлении срока заключения под стражу. Указанный показатель в 2019 г. достиг 218 тыс. человек². При этом если вопросы, связанные с порядком продления срока содержания обвиняемых под стражей, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства, в целом четко регламентированы в нормах УПК РФ, то вопросы, связанные с определением сроков содержания под стражей на период возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), вызывают немало дискуссий.

В период действия УПК РСФСР 1960 г. институт дополнительного расследования в основном рассматривался органами уголовной юстиции в качестве инструмента исправления следственных ошибок. Поскольку деятельность органов предварительного расследования, направленная на восполнение доказательственной базы в рамках уголовного дела, могла осуществляться в течение длительного времени, уголовно-процессуальный закон не исключал возможности продления судом срока пребывания обвиняемого под стражей свыше одного месяца с

1 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 29.11.2020).

2 Заключений под стражу меньше, но их продлений больше // Уголовный процесс. 2020. N4. URL: <https://e.ucpr.ru/804579> (дата обращения: 29.11.2020).

момента поступления материалов уголовного дела прокурору даже в случае его истечения. Кроме того, законодательно была предусмотрена возможность возвращения уголовного дела на доследование неограниченное количество раз. Таким образом, отсутствие регламентации в нормах УПК РСФСР 1960 г. предельного срока содержания обвиняемого под стражей на период устранения выявленных нарушений зачастую влекло нарушение прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных Конституцией РФ.

Постепенное реформирование института дополнительного расследования на протяжении первого десятилетия проведения судебной реформы привело к замене его институтом возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), нашедшим законодательное закрепление в нормах УПК РФ. Учитывая, что нарушения процессуального законодательства, позволяющие судье возвратить уголовное дело прокурору, носили формальный характер, законодатель в данном случае устанавливал запрет на производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий и обязывал прокурора устранить выявленные судом нарушения в течение пятидневного срока. При этом, возвращая дело прокурору, суд одновременно должен был решить вопрос об избрании меры пресечения на указанный период. Однако, устанавливая ограниченный временной промежуток для устранения выявленных нарушений, следовало бы полагать, что срок заключения под стражу в данном случае не мог превышать пяти дней. В итоге законодательное закрепление предельных сроков устранения нарушений, допущенных на стадии предварительного расследования, выступало в качестве гарантии от необоснованно длительного заключения обвиняемого под стражу, осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, недопущения во-

локиты по находящемуся в производстве уголовному делу со стороны органов следствия (дознания), прокуратуры.

В то же время, отказавшись от института дополнительного расследования при возвращении дела судом, законодатель не регламентировал варианты действий судьи при выявлении ряда иных процессуальных нарушений, допущенных на стадии досудебного производства, и выявлении в ходе судебного разбирательства новых обстоятельств уголовного дела. Как следствие, указанная неопределенность обусловила формирование высшим органом конституционного правосудия правовых позиций, имевших целью устранение существующих пробелов в правовом регулировании.

Так, несмотря на то, что возвращение уголовного дела прокурору в рамках ст. 237 УПК РФ не имело целью восполнение неполноты проведенного дознания или предварительного следствия и не предполагало допущение ранее предъявленного обвинения, высший орган конституционного правосудия признал возможность проведения следственных или иных процессуальных действий для устранения выявленных нарушений³. Между тем срок, необходимый для проведения ряда таких действий, зачастую превышал установленный пятидневный срок, отведенный для устранения процессуальных нарушений. В результате на практике имели место случаи, когда полученные по истечении установленного срока доказательства, на которых основывалось обвинительное заключение, признавались судом недопустимыми⁴. В связи с этим в одном из последующих решений высшего органа конституционного правосудия требование о соблюдении пятидневного срока, в течение которого уполномоченные органы обязаны были устранить препятствия к рассмотрению уголовного дела судом, было упразднено⁵.

3 По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П // СПС КонсультантПлюс.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 02.02.2006 N 57-О // СПС КонсультантПлюс.

5 Там же.

Продолжительные сроки, зачастую требующиеся для устранения процессуальных нарушений, также обусловили необходимость законодательной регламентации вопроса, затрагивающего порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на период возвращения дела прокурору. С целью преодоления пробела в правовом регулировании законодатель предусмотрел возможность продления срока содержания обвиняемого под стражей для производства следственных или иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ. Принимая во внимание, что в исследуемом случае уголовное дело фактически возвращалось на досудебную стадию уголовного судопроизводства [5, с. 50-55], следовало бы полагать, что при решении вопроса об избрании данной меры пресечения необходимо было руководствоваться сроками, нормативно определенными для этой стадии.

Так, срок содержания под стражей обвиняемого по общему правилу не мог превышать 2 месяца, при невозможности закончить предварительное расследование он мог быть продлен до 6 месяцев, а в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступлений – до 12 и 18 месяцев соответственно. По истечении указанных сроков дальнейшее содержание под стражей не допускалось. При этом законодатель предусмотрел возможность продления срока содержания под стражей сверх предельно допустимого в связи с необходимостью ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением (актом), а также принятия прокурором и судом решений по поступившему уголовному делу.

Указанная позиция законодателя впоследствии нашла отражение в итоговых ак-

тах высших судов, которые указывали на обязанность суда при решении вопроса о продлении действия данной меры пресечения устанавливать разумный срок, в течение которого уполномоченные органы должны были произвести необходимые следственные или иные процессуальные действия. При определении такого срока суду необходимо было учитывать продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса с тем, чтобы его пребывание не превысило предельные сроки, предусмотренные ст. 109 УПК РФ⁶. При этом в данный срок не засчитывалось время содержания лица под стражей со дня поступления уголовного дела в суд до его возвращения прокурору⁷.

Казалось бы, законодатель достаточно четко регламентировал предельные сроки содержания под стражей в случае возвращения уголовного дела прокурору, не предусматривая иные варианты интерпретации норм уголовно-процессуального закона. Несмотря на встречающиеся в судебной практике коллизии, связанные с определением срока избрания данной меры пресечения на период устранения выявленных недостатков [6, с. 72], в подавляющем большинстве случаев, при определении такового органы судебной власти учитывали фиксированные сроки, установленные ст. 109 УПК РФ.

Например, суд апелляционной инстанции сократил срок содержания под стражей, определенный в связи с возвращением уголовного дела прокурору, учитывая требования ст. 109 УПК РФ о недопустимости превышения содержания под стражей свыше 12 месяцев лиц, совершивших тяжкие преступления⁸.

Последующее определение сущности института возвращения уголовного дела прокурору (под влиянием правовых позиций

6 Об отказе в принятии жалобы граждан Гренко А.В., Дмитриева Н.В. и Левкина А.С. на нарушение их конституционных прав частями 2 и 3 статьи 109 и частью 3 статьи 237 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 N 1852-О // СПС КонсультантПлюс.

7 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 // СПС КонсультантПлюс.

8 Кассационное определение Ленинградского областного суда от 08.09.2010 N 22/1667/2010 // СПС КонсультантПлюс.

Конституционного Суда РФ) как «особого порядка» движения уголовного дела⁹ во многом обусловило формирование высшим органом конституционного правосудия принципиально иных подходов в части регламентации предельных сроков содержания под стражей.

Исходя из того, что возвращение уголовного дела прокурору рассматривалось как самостоятельная стадия, не тождественная стадии предварительного расследования [3, с. 51-54], суд при определении срока содержания обвиняемого под стражей лишь учитывал предельные сроки, предусмотренные ст. 109 УПК РФ, но не руководствовался правилами данной статьи. Срок, необходимый уполномоченным органам для устранения выявленных судом нарушений, как и срок содержания обвиняемого под стражей, в данный период определялся не имеющим законодательной регламентации абстрактным понятием «разумный срок», полностью зависящим от субъективного видения судьи обстоятельств находящегося в производстве уголовного дела и оценки им характера допущенных нарушений. В результате суды фактически получили возможность продлять срок содержания обвиняемых под стражей сверх сроков, установленных уголовно-процессуальным законом. При этом отсутствие предельного срока содержания под стражей в рассматриваемый нами период некоторые процессуалисты связывали со своеобразным впечатлением стадии судебного разбирательства, не определяющей временные границы применения данной меры пресечения по отдельным категориям преступлений [3, с. 51-54].

Специфический характер рассматриваемой стадии уголовного процесса также отразился на порядке продления сроков

содержания под стражей на случай повторного ознакомления с материалами уголовного дела. Указывая прежде всего на необходимость ознакомления обвиняемого (его защитника) с материалами, полученными в результате проведения следственных и иных процессуальных действий в период особого порядка движения дела, и лишь при наличии ходатайства – с иными материалами уголовного дела, Конституционный Суд РФ признал возможность суда продлить время содержания обвиняемого под стражей на данный период за рамками предельного срока¹⁰.

В результате нормы УПК РФ не определяют как предельный срок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, так и максимальное количество раз его продления. Тем самым высший орган конституционного правосудия пересмотрел ранее сформулированную правовую позицию о несоответствии Конституции РФ возможности многократного (повторного) продления сроков содержания обвиняемого под стражей со ссылками на одну лишь необходимость ознакомиться с материалами окончательного расследования¹¹.

Кроме того, на период возвращения уголовного дела прокурору не распространяется и предусмотренное ч. 5 ст. 109 УПК РФ требование о предъявлении обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику материалов окончательного расследования уголовного дела не позднее, чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей¹².

Таким образом, в уголовно-процессуальное законодательство был фактически введен новый вид применения заключения под стражу – «на время возвращения уголовного дела прокурору», имеющий нормативное за-

9 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П // СПС КонсультантПлюс.

10 По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 23-П // СПС КонсультантПлюс.

11 По делу о проверке конституционности части 5 статьи 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина : постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 N 14-П // СПС КонсультантПлюс.

12 По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 23-П.

крепление исключительно в решениях высшего органа конституционного правосудия [6, с. 72].

Впоследствии постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. N 23-П стало выступать нормативным основанием, позволяющим судам продлять срок заключения под стражу на период устранения выявленных недостатков сверх предельного срока, установленного ст. 109 УПК РФ. Например, постановлением суда первой инстанции срок содержания под стражей по возвращенному прокурору уголовному делу с учетом требований ч. 4 ст. 109 УПК был продлен до 12 месяцев предварительного следствия. Однако Свердловский областной суд, удовлетворяя апелляционное представление государственного обвинителя, со ссылкой на рассматриваемое нами постановление продлил срок содержания под стражей на 3 месяца. В результате срок заключения под стражу на период предварительного следствия, включая срок устранения выявленных нарушений, составил 15 месяцев¹³.

Кроме того, в ряде постановлений суд, определяя срок содержания обвиняемого под стражей на период возвращения уголовного дела прокурору, указывал на возможность обращения с ходатайством следственных органов о продлении таких сроков, в том числе сверх установленных ст. 109 УПК РФ¹⁴.

Замена предельных сроков заключения под стражу «размытым» термином «разумность» не нашла однозначной оценки среди судей Конституционного Суда РФ. Судьи Г.А. Гаджиев и С.М. Данилов указывали, что отсутствие законодательной регламентации процессуальных особенностей рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства не способствует формированию единой правоприменительной практики и может повлечь за собой нарушение прав граждан

на свободу и личную неприкосновенность¹⁵. С.М. Казанцев указывал, что такая неопределенность правового регулирования порождает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения данных сроков, что не соответствует положениям Конституции РФ¹⁶.

Неоднозначную оценку сформулированные высшим органом конституционного правосудия правовые позиции нашли и среди представителей российской доктрины. Если некоторые из них наделяют суда правом продлевать срок содержания обвиняемого под стражей в случае истечения предельных сроков предварительного расследования рассматривали как один из этапов формирования института дополнительного расследования [4, с.16-22], то другие в целом давали положительную оценку велениям высшего органа конституционного правосудия. Однако последние в то же время указывали на возможность различных вариантов интерпретации данных правовых позиций в правоприменительной деятельности, что, в свою очередь, может повлечь за собой длительные сроки устранения выявленных нарушений и продление срока содержания обвиняемого под стражей на неограниченный срок [3, с. 51-54].

В итоге следует отметить, что реализация правовых позиций Конституционного Суда РФ во многом способствовала эволюции института возвращения уголовного дела прокурору, некогда являвшегося неотъемлемым атрибутом российского уголовного процесса, построенного по принципу состязательности сторон, в нерегулируемое уголовно-процессуальным законом дополнительное расследование¹⁷ с присущими ему неограниченными сроками устранения выявленных нарушений и отсутствием гарантий на рассмотрение уголовного дела в разумный срок. При этом

13 Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 01.10.2017 по делу N22-7933/2017 // СПС КонсультантПлюс.

14 Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.03.2017 N 22-419/17 // СПС КонсультантПлюс.

15 Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Ю.М. Данилова // СПС КонсультантПлюс.

16 Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева относительно постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. N 23-П по делу о проверке конституционности частей 3-7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.В. Махина // СПС КонсультантПлюс.

17 Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева // СПС КонсультантПлюс.

неопределенность уголовно-процессуального законодательства в части регламентации предельных сроков заключения под стражу посягает на охраняемые Конституцией РФ права обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность, фактически ставит в зависимость от усмотрения судьи и действий (зачастую имеющих репрессивный характер) органов, осуществляющих предварительное расследование.

В результате видятся обоснованными рекомендации судей Конституционного Суда РФ законодателю о необходимости регламентации в нормах уголовно-процессуального закона оснований и порядка продления сроков содержания под стражей обвиняемых на время, необходимое для устранения выявленных судом препятствий к судебному рассмотрению дела и обеспечения права обвиняемых на ознакомление с материалами дела. В связи с этим некоторыми учеными-процессуалистами высказывались опасения о возможном закреплении в нормах уголовно-процессуального закона некой «экстраординарной процедуры» продления предельного срока содержания под стражей [2, с. 8]. Однако пожелания высшего органа конституционного правосудия, направленные, казалось бы, на защиту прав участников уголовного судопроизводства, до настоящего времени не восприняты законодателем и, соответственно, не нашли отражения в нормах УПК РФ.

Кроме того, необходимо в нормах ст. 109 УПК РФ предусмотреть обязанность судьи, принимающего решение о продлении срока содержания под стражей на период устранения выявленных нарушений, помимо определения наличия обстоятельств, послуживших основанием для избрания данной меры пресечения в соответствии со ст. 97 УПК РФ, производить оценку материалов дела с точки зрения полноты, эффективности организации расследования и ознакомления обвиняемого и его защитника со стороны уполномоченных органов. При обнаружении виновных

действий со стороны органов, осуществляющих предварительное расследование, судье следует принимать решение об избрании альтернативной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. Например, судья, рассматривая ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей на период составления обвинительного заключения и направления дела прокурору, несмотря на нахождение обвиняемого в течение некоторого времени в федеральном розыске, изменил меру пресечения на домашний арест. Основаниями, послужившими принятию соответствующего решения, выступали длительный срок содержания обвиняемого под стражей, завершение следственных действий в период возвращения дела прокурору, а также оценка его личностных качеств¹⁸.

В целях совершенствования законодательства, регламентирующего вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу, необходимо обратиться и к опыту некоторых бывших союзных республик, также некогда предпринявших попытки отказа от института дополнительного расследования. К примеру, УПК Республики Казахстан устанавливает запрет на дальнейшее продление срока содержания под стражей сверх предельно установленного законом. По истечении таких сроков содержащиеся под стражей подозреваемый, обвиняемый подлежат немедленному освобождению. В случае же возвращения судом уголовного дела прокурору при отсутствии оснований для изменения меры пресечения до истечения предельного срока содержания под стражей судья продлевает срок содержания под стражей в пределах одного месяца с момента получения дела прокурором¹⁹.

В качестве иного варианта решения проблемы, например, обращаясь к нормам УПК Украины, возможно предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве механизмы исправления нарушений, послуживших основанием для возвращения уголовного

18 Мосгорсуд освободил адвоката Игоря Третьякова из-под стражи. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-osvobodil-advokata-igorya-tretyakova-iz-pod-strazhi/> (дата обращения: 29.11.2020).

19 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 N 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=2939;-60 (дата обращения: 29.11.2020).

дела прокурору, непосредственно на стадии судебного разбирательства.

Реализация предложенных мер будет способствовать снятию правовой неопределенности в части определения срока содержания под стражей на период возвращения уголов-

ного дела прокурору и в некоторой степени приблизит российский уголовный процесс к ранее запланированной идее построения уголовного судопроизводства, основанного на принципе состязательности сторон.

Библиографический список

1. Калиновский, К.Б. Полицейский надзор как мера пресечения / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2014. – N 1. С. 9.
2. Калиновский, К.Б. «ПреТворительное» расследование / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2015. – N 9. – С. 8.
3. Куряхова, Т.В. Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу / Т.В. Куряхова // Законодательство и практика. – 2018. – N 1. – С. 51-54.
4. Сарычев, Д.С. Роль решений Конституционного Суда РФ в формировании полномочий суда по устранению недостатков предварительного следствия / Д.С. Сарычев // Мировой судья. – 2017. – N 5. – С. 16-22.
5. Тришева, А.А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института / А.А. Тришева // Законность. – 2015. – N 4. – С. 50-55.
6. Червоткин, А.С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору / А.С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2016. – N 5. – С. 66-73.